

П. Г. Игнатович,
доцент
Ю. В. Чернявская,
ст. преподаватель

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В САМОСОЗНАНИИ ЭТНОСА

Слово “традиция” происходит от лат. *traditio* (передача). Значительная часть исследователей считает, что исключительно в процессе передачи и осуществляется суть традиции. Наиболее показательна в этом смысле дефиниция Э. Маркаряна, полагающего, что традиция — это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в разных человеческих коллективах.

Другие исследователи считают, что традиция — это сам способ передачи культурного наследия. В этом смысле о традиции говорят как о передаче в диахронном плане от старших к младшим, от поколения к поколению, от когорты к когорте устоявшихся норм поведения, навыков, понятий, всего, что образует костяк культуры. К сожалению, это определение не учитывает ценностного аспекта традиции: для того, чтобы что-то передалось, нужно, чтобы это было не просто объектом, но и определенной ценностью. Любая традиция определяется отношением к ней народа или группы. И, следовательно, главное наполнение традиции — это сам факт ее отбора как особенно ценного, того, что в силу этой ценности нельзя позволить себе потерять, так как наличие этого элемента в культуре повышает самооценку этноса.

По нашему убеждению, *традиция включает в себя модели чувствования, мышления, поведения и, кроме того, нормы, навыки, обычаи, культурные достижения, представляющие собой ценность для членов этноса и поднимающие данный этнос как общность в глазах ее представителей, а также способы их трансляции от поколения к поколению.* Традиция никогда не включает в себя все наследие народа, а лишь ту его часть, которую члены этноса оценивают (положительно или отрицательно) как такое наследие и с помощью которой могут оценивать свою общность как состоявшийся этнос, а себя как его полноправных представителей. Кроме того, традиция — это

сам процесс такой оценки, усвоения и механизм межпоколенной передачи.

Интересный пример такого ценностного отношения, в результате которого элемент наследия превращается в традицию, пришел к нам из истории польской культуры. Начиная со второй трети XVIII ст. излюбленным головным убором поляков была так называемая конфедератка. До середины XIX ст. этот факт имел смысл элемента культурного наследия, не более того. Но с 60-х гг., после того как многие участники польского восстания оказались за границей, в эмиграции, изменилось само отношение к ношению этого головного убора. Конфедератку начинают носить демонстративно, даже с некоторым вызовом. Она превращается в символ единства поляков, как тех, кто остался на родине, так и тех, кто оказался за ее пределами. Об этом писал Ц. Норвид:

Я на себя надел цветок червонный —
Конфедератку,
Такую Пяст когда-то под короной
Носил подкладку (2, с.71).

Ярчайшим примером фундаментального значения исторической традиции является принятие Habeas Corpus Act в XII в., согласно которому запрещалось появление официальных представителей государственной и местной власти в домах англичан без соответствующей официальной судебной санкции. Это породило не только такую ментальную черту английского народа, как понятие “мой дом — моя крепость”, но и в целом то высочайшее чувство собственного достоинства, которое выразилось в существующем уже 800 лет горделивом лозунге: “Никогда, никогда, никогда англичане не будут рабами”⁷; предопределившим историческое единство и несгибаемый дух английского народа во всех исторических случаях крайней опасности для страны (от разгрома Великой армады Филиппа Второго в XVI в. до героического сопротивления Гитлеру на протяжении 1940 и первой половины 1941 гг.).

Традиция не есть принадлежность индивида, а всегда — группы, народа, цивилизации. Уже в этом групповом санкционировании традиции как ценности и заложена сила ее влияния на членов любого этноса.

“Традиционные представления и действия, — пишет Э. Шиллз. — являются не только делом пассивного принятия уже установленного. Существует и активный поиск традиции как

формы связи с прошлым, если установленные традиционные представления оказываются неприемлемыми. Подчас “прошлое создается” для легитимизации представлений и действий теми, кто в настоящем не находит такой основы...” (5, с. 243—244). Следовательно, традиция избирается и нередко даже “изобретается” в соответствии с самой исторической ситуацией, причем каждый этнос моделирует ее по-своему, выбирая из традиции то, что наиболее соответствует необходимости времени, ментальности народа, то, что способно “здесь и сейчас” служить повышению его самооценки. Потому в любом обществе в разные периоды его исторического бытия происходит подчас незаметная смена традиций. Но так или иначе члены этноса вновь и вновь возвращаются к первоисточнику своего бытия и ищут в них подтверждения собственной идептичности и чувства собственного достоинства. При этом важно, собственно, не буквальное соответствие реальному положению дел в незапамятные времена, а мобилирующий смысл традиции в современности. Но для самого существования этого мобилизующего смысла, постоянно повышающего самосознание этноса, необходимо “приноравливание” традиции к современным нуждам общности путем сочетания ее с инновацией. Показательно, что там, где этого не происходит или происходит по минимуму, общность становится персистентной, т.е. пережившей себя. К такому состоянию нередко приходят традиционные этносы и цивилизации.

Традиционные (статические или стационарные) этносы — народы, жизненный цикл которых в каждом новом поколении повторяется без изменений или (это уточнение особенно существенно для нашего времени) без кардинальных изменений. В культурах этого типа преобладают следующие черты: глубокий традиционализм; циклический характер развития, подчиненный естественному ритму сельскохозяйственных работ; воспроизводство естественно сложившихся или однажды заданных структур; ориентация на абсолютные ценности — “начала”, данные в основном религией. Они удовлетворяются скудным, но стабильным, почти незыблемым функционированием и все свои силы и разум прилагают к поддержанию этой стабильности и порядка. К. Леви-Стросс называл традиционные культуры “холодными”, живущими как бы на нуле исторической температуры.

С. Хантингтон приводит следующий набор постулатов, свойственных идеологии традиционализма:

— Человек — существо религиозное, религия же является фундаментом общества. Бог санкционирует существующий законный социальный порядок.

— Общество является естественным, органическим продуктом постепенного исторического роста. Существующие институты олицетворяют мудрость предшествующих поколений.

— Человек — продукт и разума, и эмоций, и инстинкта. Благоразумие, предубеждение, опыт и обычай — лучшие проводники, чем разум, логика, абстракция и метафизика... Правда существует не в виде общих утверждений, а в форме конкретного опыта.

— Коллектив выше личности...

— Люди не равны. Социальная организация сложна и всегда содержит в себе различные классы, сословия и группы. Расслоение, иерархия и подчинение — неизбежные черты любого традиционного общества.

— Существует презумпция “в пользу любой установленной системы правления против любого неиспользованного проекта... Попытки устранить существующее зло вызывают обычно еще большее зло” (цит. по: 4, с.399—400).

Думается, этот перечень, с одной стороны, неполон, а с другой, чрезмерен: он, например, не учитывает того, что традиционализм примитивных народов не всегда обладает строго структурированной продуманной иерархией слоев и страт, или того, что стационарные народы зачастую имеют весьма развернутую, более того, сакрализованную систему моральных и правовых норм, существующую вне конкретного опыта индивида.

Две основные черты статического этноса — антирационализм и антииндивидуализм. Антирационализм заключается в том, что члены традиционных этносов, как правило, не апеллируют к разуму в вопросах, связанных с нормативной практикой. Скорее, они руководствуются прошлым, признавая его безоговорочность как арбитра прецедентов настоящего. Выбор в пользу прошлого, таким образом, исключает необходимость поиска альтернативных ответов на набравшие вопросы. Стабильность общества всегда предпочитается инновациям, даже если они несут улучшения жизни членов данного общества.

Антииндивидуализм предполагает, что индивид не создает общества в соответствии со своими желаниями и воззрениями, а “получает” его в наследство от предков. Главная его функция — сохранение общества в стабильном виде, следовательно, проявление собственной инициативы разрушительно для навеки заданных сакральными началами структур. Потому традиционные народы, как правило, не допускают в свою культуру иноземцев как потенциальных нарушителей заведенного порядка, во всяком случае, стараются максимально отграничиться от них.

Статические народы всегда строят свою самооценку в зависимости от мифа о “золотом веке”, от идеалов прошлого, потому эта самооценка хотя и является постоянно действующей, но в то же время неполна. Ценности прошлого “консервируются” в самосознании и не могут удовлетворять современных нужд и чаяний этносов, тем более, что в “тесном” (по выражению К. Клакхона), благодаря неслыханному дотоле расширению СМИ и средств связи, современном мире эти традиционные ценности все более и более подвергаются сомнению, что не может не действовать угнетающе на саму самооценку традиционных этносов. Попытки же модернизации по образцу развитых динамических народов только усугубляют пропасть между ментальным и социальным стержнем бытия этих этносов. Ведь самым ценным завоеванием традиционных обществ во все времена являлось подчинение традиции, дарующее стабильность. Потому разрыв с традицией в них ведет к самым пагубным последствиям, в первую очередь, к снижению самооценки, к восприятию собственной общности как недостаточно активной, современной, а следовательно, к стрессам и духовному вырождению целых народов как особых этнических общностей.

Народы динамического типа воспринимают инновации как развитие уже существующих традиций в том случае, если, конечно, эти нововведения не противоречат основным этнокультурным доминантам психики данного этноса. К. Леви-Стросс называл такие общества и культуры “горячими”. Они обладают расширенным воспроизводством и кумулятивной историей. Идеи чужих культур либо активно усваиваются и обживаются, становясь своими, либо отторгаются, если идут вразрез с фундаментальными ценностями уже существующей культуры. Говоря о динамике как об основном факторе в развитии этноса, следует уточнить, что в этом контексте выступают не столько даже народы, сколько нации и шире — цивилизации

(например, европейская). Цивилизации гетерономны, т. е. собраны из разнородных элементов – народов, и когда ведущий народ в результате каких-либо обстоятельств теряет свое лидирующее положение, на смену ему приходит другой с иными традициями и ценностными ориентирами. Потому, как правило, когда говорят о динамическом пути развития того или иного общества, под этим подразумевают, что такое общество в своем бытии руководствуется не традициями, а инновациями. Думается, это очень упрощенный подход. Очевидно, что современные динамические цивилизации отличаются от “традиционных” этносов не отсутствием, а своеобразной специализированностью, расчлененностью традиции в связи с процессами разделения труда и растущего расслоения (стратификации) общества, из-за которых само это общество имеет большую возможность выбора среди конкурирующих традиций.

Если проанализировать специфику европейской цивилизации как динамической мегаэтнической общности, можно выделить следующие черты:

- накопление научных знаний и технологий, превышающее актуальные потребности;
- появление новых лидеров, способных перестроить мир на новых началах;
- постоянные экономические и социальные трансформации;
- интеграцию индивидов и социальных групп в этнические и суперэтнические общности при одновременной все возрастающей самостоятельности индивидов и отдельных групп внутри этноса и государства;
- утверждение свободы выбора как фундаментального права и обязанности индивида, социальной группы и общества в целом;
- раннее разделение прагматических полей внутри социума, т. е. отделение ремесла от земледелия, светской власти от церковной, политики от морали и как следствие – раннее выделение искусства и культуры как самостоятельной сферы духовного производства.

Как уже говорилось, практически все динамические этносы теперь находятся в составе тех или иных общерегиональных цивилизаций. Каждый народ существует и в качестве самостоятельной социокультурной общности, и одновременно входит в мегаэтническую группу в качестве ее членов. Поэтому центр европейской цивилизации время от времени меняется, переходит от этноса к этносу, меняются направления, стили, идеи,

корректируется система ценностей, и в этом — залог долгого и перспективного развития цивилизации.

Современная западная культура — культура динамическая. Она построена на ожидании будущего, более совершенного, нежели настоящее. Но в этом же и причина кризиса современности — в том, что А.Толфлер выразительно назвал “футурошок”, — в перманентном стрессе, в котором пребывает современный человек вследствие стремительных изменений и оглушающего разнообразия. Футурошок не смог не поколебать самооценки не только традиционных, но и динамических этносов: именно вследствие него развились такие реалии современной европейской культуры, как отчуждение индивида от общности, “массовая культура” в худших ее образцах, разрушение ценностной системы, крушение идеи “истины” и “идеала” с вытекающими отсюда более чем негативными последствиями и т.д. Именно в этом кроется причина возникновения такого неоднозначного культурного явления, как постмодернизм, с его практикой крайнего релятивизма и отсутствия универсальных ценностей и норм. Но самооценка вне строго очерченной иерархии ценностей принципиально невозможна. Потому самооценка многих современных народов Европы тоже снижается, пусть и медленнее, чем самооценка традиционных этносов.

Но существует группа народов, которые смогли, не отторгая чужих влияний, принять и переосмыслить их в русле собственной культуры. Речь идет о так называемых “адаптивных” этносах. В истории такие народы чаще всего жили на перекрестии торговых и культурных путей. Пример этому — арабы. Арабский халифат простирался от Испании до Индонезии, в результате чего на этой территории получила развитие деятельность переводчиков. Благодаря специфике данного этноса сказки “Тысячи и одной ночи” известны как арабские, в реальности будучи вольным переводом индийских сказок “Тысяча повестей”. При современном развитии средств массовой информации и средств сообщения адаптивность этноса уже не должна непременно зависеть от его местоположения. Пример адаптивного этноса XX ст. — это японцы, совместившие глубокий традиционализм в социальном устройстве и в быту с активным усвоением инокультурных влияний. В этом отношении можно говорить об идеальном сочетании комплиментарности и открытости посторонним воздействиям, о готовности этноса к принятию

инноваций и одновременно о бережном его отношении к традициям.

Традиция необходима для самого поддержания существования социума, а инновация — для его развития. Потому отношение к традиции как к чему-то неизменному во времени, вечному всегда предполагает косность и стагнацию, отрицательно воздействующих на чувство собственного достоинства этноса. “Традиция — не только мощи, к которым прикладываются, боясь тронуть, — пишет об этом российский философ Г.Померанц. — Традиция несет в себе возможности, которые надо использовать, не боясь ошибок, не боясь ересей. Ересь — это первый неловкий шаг на новом пути, первое слишком прямолинейное решение; оно ценно как постановка вопроса. Ни одна догма не родилась без предшествующей ереси” (3, с. 563). Кроме того, чувство собственного достоинства народа проявляется и в том, что в общности приживаются далеко не все инновации. Все нововведения проходят селекцию с точки зрения их согласованности или несогласованности с ментальными установками и традиционными ценностями и принимаются или отторгаются в зависимости от того, насколько “новое” соответствует “вечному”.

Лишь в этом контексте культура этноса выступает как единство преемственности и обновления, предполагающее, с одной стороны, использование культурных ценностей, накопленных предками и бережно сохраненных потомками, а с другой — изменение существующих традиций и отторжение того, что больше не соответствует духу времени. Такой синтез, предполагающий высокую меру критичности по отношению и к традиции, и к нововведению, и является основой адекватной самооценки и условием этнического развития. Думается, к этому синтезу вполне применим термин “медиация”, введенный в культурологию А.С. Ахиезером, характеризуемый им как логика процесса осмысления в рамках дуальной оппозиции, которая “характеризуется отказом от абсолютизации полярностей (в данном случае под “полярностями” мы понимаем традицию и инновацию. — П.И., Ю.Ч.) и максимизацией внимания к их взаимопроникновению, к их существованию друг через друга” (1, с. 231). Только такой подход к специфике собственного и чужого этносов (в их взаимоотношениях и взаимовлияниях с одновременным действенным сочетанием положительного самообраза собственного этноса, бережно хранимого в рамках

традиции, с одной стороны, а с другой — доброжелательности в отношении к другим этносам и готовности воспринять положительные элементы их культуры в качестве инноваций) может породить устойчивую адекватность этнической самооценки.

1. Ахизер А.С. Феномены инверсии, раскола, медиации и срединной культуры // Сравнительное изучение цивилизаций / Под ред. Б.С.Ерасова — М., 1998. — С. 231.

2. Норвид Ц. Стихотворения. — М., 1972. — С. 71.

3. Померанц Г. Выход из транса. — М., 1995. — С. 56.

4. Шацкий Е. Утопия и традиция / Под общ. ред. В.А.Чаликовой. — М., 1990. — С. 389—400.

5. Шиллз Э. О содержании термина “традиция” // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С.Ерасов. — М., 1998. — С. 240—246.

Г.С.Мишуrow,
профессор

ТРАДИЦИОННАЯ ЭСТЕТИКА ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА БЕЛАРУСИ

Народно-инструментальное искусство имеет большое значение в формировании художественного вкуса человека. В данном случае велика роль и жанровой структуры произведения, и формы исполнительства на народных музыкальных инструментах, а также особенностей традиционного национального репертуара.

В результате связи с фольклором складывается определенный жанровый спектр: вокально-хоровая музыка представлена народной песней; вокально-хореографическая — песней и танцем; инструментальная — народно-бытовой музыкой. Подчеркнем, что такой процесс в музыкальной самодеятельности Беларуси является в значительной мере результатом осознания самим народом потребности в обогащении и расширении ее жанров.

Работа по сбору музыкального фольклора производится ежегодно учреждениями культуры и искусства, но не всегда удается эффективно реализовать собранный материал. Богатый фольклорный материал имеется в Научно-методическом центре